Летят его кони... Летят его годы... Уже шестьдесят... Стоп. Стоп... Для кого-то и шестьдесят — большие годы. Но не для писателя. Тем более того писателя, как Борис Васильев. Хотя и говорит он сам в начале повести «Летят мои кони...»¹⁾: «И каждый прожитый день добавляет в эту стену свой аккуратный кирпичик. Я еще хочу бежать вслед за уходящим поездом, но уже не могу его догнать и рискую остаться один на гулком пустом перроне».

Но как хорошо, что он сам же и опровергает себя. Своим творчеством, своей новой прекрасной книгой «Летят мои кони...».

Читатели давно уже знают Бориса Васильева как автора романов «В списках не значился», «Не стреляйте в белых лебедей», «А зори здесь тихие...». Если же кто и не читал этих произведений, то, возможно, видел спектакль или фильм. «Зори» шли и идут в лучших театрах страны, изумительный фильм того же названия обошел экраны многих стран мира. Повесть полюбили и взрослые, и юные... Но я сейчас не о ней.

Сейчас на моем столе книга повестей и рассказов «Летят мои кони...». И как быстро летят. Не успеваешь оглянуться, как перевернута по-

¹⁾ Борис Васильев. «Летят мои кони...». Москва, Советский писатель, 1984 г.

ТЕПЛЫЙ СВЕТ

Новые книги

следняя страница. И так жалко и грустно, что уже оставлена, так хочется вместе с автором ехать и ехать по жизни, и вместе с ним встречать тех людей, которых он представил нам. Хоть и не совсем, и не всегда это были радостные, праздничные встречи.

А впрочем, почему они должны быть таковыми? «...А вам не кажется, что в праздники люди перестают думать? — замечает автор. — Вспомнить о потерях, горестях, нехватках, недостатках, болях, печалях? Ни о чем таком, естественно, не вспоминают в праздники, да и сами-то праздники, вероятно, возникли, когда люди вырвались из трудностей хотя бы на время. Но представьте, о чем узнают на свадьбе, а о чем — на похоронах: какой простор для размышлений, не правда ли? И это закономерно: трагедия учит, а комедия поучает».

И на первый взгляд, многие рассказы и повести Бориса Васильева печальны, а то и трагичны.

Вот рассказ «Холодно, холодно...». Солдат-первогодник торопится повидать свою лю-

бимую. Его подвозит шофер рефрижератора. Случайная встреча, случайные попутчики, дорожные разговоры.

«Шофер был приветлив и добродушно словоохотлив; солдат поддакивал, но слушал вполуха. Он осторожно, искоса, но очень внимательно разглядывал водителя, и водитель нравился ему: сильный, уверенный в себе бывалый человек с кажущейся небрежностью вел тяжелую машину, и она покорно подчинялась каждому его движению».

Но чем дальше едут герои, тем все меньше и меньше нравится нам «сильный» шофер. Точными деталями, мастерским диалогом Борис Васильев психологически тонко рисует, как и откуда растут подлость и честность, почему в нашей жизни вдруг возникают предатели во всех смыслах этого слова, а подчас и убийцы, хотя с виду вроде бы хорошие и нормальные люди — портреты их иногда висят и на доске передовиков. Б. Васильева всегда интересуют морально-нравственные мотивы поступков и поведения людей как в

повседневных, так и в экстремальных условиях. Страшна концовка рассказа «Холодно, холодно...». Шофер сбивает в тумане девушку и, боясь последствий, трусливо, пытаясь обмануть солдата, прячет ее в холодильник рефрижератора.

Два человека — два разных характера, два разных отношения не только к жизни, но и символам ее. И логично, что одно преступление ведет за собой другое. Шоферу не нужен такой свидетель, и он уже обдуманно убивает солдата. Здесь Б. Васильев сознательно не уклоняется от изображения трагедии. Помните его слова: «Трагедия учит...».

Так же, как учит и его другой рассказ — «Великолепная шестерка», что зло и черствость нетерпимы в нашей жизни. Казалось бы, простенькая история. Шестеро мальчишек уголяют шесть списанных уже лошадей. Загнав их в скачке, бросают на поляне, привязав к деревьям. И лошади погибают от голода. Ребята даже не знают об этом. Но узнает начальник пионерлагеря, где отдыха-

ли ребята. Узнает от милиционера и старого конюха, бывшего солдата-фронтовика, пришедших в лагерь известить об этом случае. Просто известить, чтобы не повторилось подобного.

И опять Б. Васильев мастерски исследует нравственные проблемы человеческих взаимоотношений. Простой конюх, бывший солдат, инвалид оказался гораздо богаче душой, чем воспитательница ребят и начальник пионерлагеря. Горестно, прямо скверно становится, когда она говорит, показывая на фотографии «умерших» коней: «Этих, — она потыкала в фотографии, — спрятать... то есть поскорее, нечего зря детей травмировать. — Шоры лася в сумочке, достала десятку, протянула, не глядя, физируку. — Инвалиду передайте, он помянуть хотел, уважить надо. Только чтоб милиционер не заметил, а то... И намекините помягче, чтоб не болтал понапрасну».

Она так и не поняла ничего, эта Кира Сергеевна — «воспитательница» ребячьих душ. Как слепы и равнодушны мы бываем, когда многое доверяем подобным людям.

Но как светло и печально становится на душе, когда читаешь рассказы «Пятница», «Старая Олимпия», «Ветеран» и другие. Борис Васильев и здесь не уходит от суровой правды жизни. Тем более, что правда эта касается прошедшей войны.

Б. Васильев не преуменьшает и не смягчает бедствий войны, но все, что делают герои этих рассказов, они делают ради победы, ради спасения Родины и нашей жизни. Даже погибая, чувствуют себя победителями.

Военная проза Б. Васильева стоит в одном ряду с произведениями Ю. Бондарева, Г. Бакламова, В. Быкова... Но Васильев не был бы настоящим писателем, если бы не сказал своего слова о войне. Его герои чаще всего не героические личности, а простые и незаметные труженики фронта, без которых немислима победа. Примечательна в этом смысле сцена из рассказа «Ветеран». Когда Алевтину Ивановну, бухгалтера фаерники, просят выступить как ветерана войны на вечере, она сначала отказывается, ведь она была всего-навсего бойцом банно-прачечного отряда, а попросту говоря, прачкой. «И чего им настое вспоминать, какие мы солдаты, — говорит Алевтина Ивановна. — Я же не на передовой. Я же...».

Она даже не знает своего командующего фронтом. Муж спрашивает:

«— Кто у тебя командующий был?»

— Техник-лейтенант Фомушкин.

— Ну, какой там Фомушкин! — усмехнулся муж. — Я тебя серьезно спрашиваю, а Фомушкин твой — это, знаешь, для домашнего употреб-

ления. Ты же выступать будешь перед массами. Перед комсомолом, звонкой нашей сменой. Какое им дело до твоего техника? Тут масштаб нужен! Толбухин, точно?»

Она кивнула немного расстроено и тут же улынулась, чтобы скрыть это расстройство... А расстроилась Алевтина Ивановна из-за пренебрежительного отношения к ее «командующему», технику-лейтенанту Фомушкину. Расстроилась потому, что сразу вспомнила этого Фомушкина, когда-то наглухо засыпанного в окопе и откопанного благодаря великой фронтовой случайности...».

Вспомнила Алевтина Ивановна многое, но не на вечере, а про себя... «Двести пар заскорузлого от крови и пота обмундирования и горы окровавленных бинтов ждали их на каждом рассвете войны. Двести пар были нормой, а бинты шли сверх всякой нормы и в первую очередь, потому что их не хватало. Исрассвета и дотемна бойцы банно-прачечного отряда гнулись над корытами и кипящими баками».

Вот этот массовый «тихий героизм» в Отечественной войне был присущ советскому народу. Эти самоотверженность и вера помогают выиграть встречный бой у врага в одноименной повести Б. Васильева уже после официально объявленной Победы. Страшен этот бой не потому, что гибнут люди, а

потому, что гибнут они, зная, что подписана капитуляция, что фашизм повержен, что наконец-то пришла Победа. Но пока не для них. Они должны, обязаны были не пропустить окруженного врага рвавшегося в плен к америнанцам. Злой был бой и горький. Но и праведный. И мучительно переживает молодой генерал, командующий корпусом, не находит себе места уже после боя оттого, что он вынужден был отдать приказ на этот бой, что, может быть, можно было обойтись без лишних жертв. И писателю дорога истина, мужественная правда, чтобы мы знали, кем и как добыта Победа.

По-настоящему психологичны и человечны в сборнике рассказ «Вы чье, старичье?», повесть «Кажется, со мной пойдут в разведку». Известный поэт, главный редактор журнала «Юность» А. Демьянцев писал: «Великая сила жизни, добра, любви неистребима наперекор всему, что стремится ее уничтожить, — убеждение, которое проходит через все творчество Б. Васильева». А сам Борис Васильев как-то сказал: «Я думаю, что, поскольку искусство родилось у костра, оно должно светить, оно должно греть и оно должно объединять».

Новая книга Б. Васильева в полной мере следует этому завету.

И. РЫЖОВ.